

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81–119

Воложанина Ю.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ТОЖДЕСТВА В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОСТРОЕНИИ ЭПИГРАММАТИЧЕСКИХ СЕРИЙ

Аннотация. Данная статья представляет собой аналитическое исследование принципов построения серии эпиграмм в структурном и семантическом плане на всех уровнях языкового абстрагирования: от поверхностного уровня стилизованного речетворчества до глубинного логико-мыслительного уровня. Последовательное рассмотрение структурно-семантических особенностей фактического материала позволяет установить уникальную интегрированность компонентов эпиграмматической серии, квалифицируемой как целостный текст. В статье сделан акцент на роли лингвистической категории тождества и таких её компонентов, как элективность и идентификация в процессе построения текста такого рода.

Ключевые слова: инвариант, категория тождества, авторский ракурс, структурная рамка, речевой комплекс, микротема, элективность, идентификация.

Y. Volozhanina

Sholokhov Moscow State University for the Humanities

CATEGORY OF IDENTITY IN EPIGRAMMATIC SERIES STRUCTURAL AND SEMANTIC CONSTRUCTION

Abstract. The article presents analytical research of structural and semantic principles of the epigrammatic series construction on every level of language abstracting: from the surface level of stylized speech production to the deep-laid logical level. Comprehensive research of structural and semantic peculiarities of the actual material shows that the components of epigrammatic series are closely integrated, thus allowing to regard the series as an integrated text. The article underlines the role of the linguistic category of identity, in particular, identification and electivity as its components, in the process of producing this type of text.

Key words: invariant, category of identity, author's foreshortening, structural frame, speech complex, microtheme, electivity, identification.

© Воложанина Ю.В., 2014.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена сформировавшейся тенденцией в современной науке к познанию внутренних закономерностей процесса речетворчества, результатом которого является целостный текст [2; 3; 5; 6; 10]. Необходимость раскрытия структурно-семантических особенностей построения серии эпиграмм, в этой связи, обусловлена отсутствием исследований по данной теме.

Объектом рассмотрения и последующего анализа выступили стилистика английского языка и стилистика речи в её полном объёме. Предметом послужили характерные особенности организации текста эпиграмм в серии как на поверхностном, так и на глубинном уровне своего построения.

Следует особо отметить отсутствие каких-либо отечественных исследований эпиграмм в рамках серий, в связи с чем аналитическое рассмотрение данных текстов представляет особый научный интерес.

Текст эпиграммы как разновидности малого поэтического жанра английской литературы характеризуется наличием микротематической речевой ситуации, что обусловлено крайне небольшими размерами произведений, поскольку их количественная наполняемость не пре-

вышает 16 строк [1, с. 15]. В этой связи в тексте отсутствует сюжетная перспектива как одна из составляющих процесса декодирования авторского ракурса на уровне стилизованного речетворчества. Функции передачи сюжетной линии принадлежат инварианту, который в эпиграмме имеет сквозное присутствие на всех уровнях языкового абстрагирования, будучи, во-первых, ключевым компонентом авторского ракурса и, во-вторых, узловым элементом функциональной смысловой зависимости [4, с. 109].

Аналитическое рассмотрение эпиграмматических серий обнаруживает наличие в них темы, составляющей сумму микротем отдельных текстов представленных в серии эпиграмм. Считаю целесообразным наглядно представить типичный анализ фактического материала, которым, в частности, послужила серия язвительных эпиграмм шотландского поэта Роберта Бёрнса, адресованная лорду Гэлоуэю. Данная серия из четырёх четверостиший представлена ниже с художественным переводом С.Я. Маршака первых трёх эпиграмм и нашим построчным переводом последней ввиду отсутствия её художественного перевода:

What dost thou in that mansion fair?
Flit, Galloway, and find
Some narrow, dirty, dungeon cave,
The picture of thy mind.

On the same
No Stewart art thou, Galloway,
The Stewarts all were brave:
Besides, the Stewarts were but fools,
Not one of them a knave.

Тебе дворец не ко двору.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору –
Душе твоей под стать!

Нет, вы – не Стюарт, ваша честь.
Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!

On the same
Bright ran thy line, O Galloway,
Thro' many a far-fam'd sire:
So ran the far-famed Roman way,
And ended in a mire.

On the same
Spare me thy vengeance,
Galloway!
In quiet let me live:
I ask no kindness at thy hand,
For thou hast none to give.

В его роду известных много,
Но сам он не в почёте.
Так древнеримская дорога
Теряется в болоте...

Избавь меня от своей мести,
Гэлоуэй!
Позволь мне жить в покое:
Я не прошу добра,
Потому что тебе нечего мне дать.

Данная эпиграмматическая серия является уникальной для английской эпиграмматики в целом благодаря своим структурно-семантическим характеристикам, которые не умаляют художественной ценности каждой отдельно взятой эпиграммы из серии. Фактор адресата выступает одной из ключевых категорий в данных эпиграммах, благодаря чему читатель-реципиент однозначно воспринимает обличительный тон произведений и крайне отрицательную оценку автора. Реализация фактора адресата осуществляется через прямое обращение, оформленное эмоциональными языковыми средствами в каждой из четырёх эпиграмм. В первой эпиграмме обращение разрывает однородные императивы (*Flit, Galloway, and find*), во второй – актуализирует личное местоимение «*thou*» (*No Stewart art thou, Galloway*), в третьей – образует эмоциональную структуру с междометием «*O*» (*Bright ran thy line, O Galloway*), в четвёртой – обладает эмоциональным пунктуационным оформлением с использованием восклицательного знака (*Spare me thy vengeance, Galloway!*).

Каждое отдельно взятое произведение из данной серии посвящено раскрытию и порицанию определённого порока объекта-адресата, наличие ко-

торого является субъективным мнением автора, в процессе экспликации которого он обнаруживает своё присутствие в канве текста. Таким образом, представляется возможным констатировать присутствие категории персональности в тексте. Данная текстообразующая категория проявляется по шкале возрастающего отрицательного качества авторской оценки. Градация нарастающего негативного отношения автора эксплицирована следующими лексическими средствами: *narrow, dirty, dungeon* → *a knave* → *ended in a mire* → *no kindness*.

Данное явление также находит своё отражение в микротемах каждого произведения. Важно отметить, что микротематическая речевая ситуация в тексте каждой из четырёх эпиграмм функционирует в рамках одного составного речевого комплекса. Реализация замысла автора через один речевой комплекс, равный целому тексту, осуществляется благодаря категории тождества. Данная лингвистическая категория претворяет в речь графически-пунктуационную стратегию, являющуюся составным компонентом авторского ракурса. В этой связи, во всех четырёх эпиграммах наблюдается использование внутренних знаков препинания на пунктуационных по-

зициях внешних, в то же время вопросительный знак в первой эпиграмме и восклицательный знак в четвёртой функционально выступают в качестве внутренних знаков препинания. Таким образом, обеспечивается единство речевого комплекса, связующим звеном которого, помимо графически-пунктуационного оформления, выступает инвариант, который на уровне авторского ракурса имеет сжатые очертания, в то время как на уровне стилизованного речетворчества раскрывается через варианты, составляющие речевой комплекс.

Итак, речевой комплекс является расширенным инвариантным значением, смысловым стержнем которого и выступает микротема произведения. Так, для первой эпиграммы микротематическим значением послужил инвариант «душа Гэллоуэя», стилистическим языковым средством раскрытия которого выступило сравнение (*that mansion fair – Some narrow, dirty, dungeon cave*), для второй эпиграммы – инвариант «подлец», также раскрытый с помощью сравнения (*brave – a knave*), для третьей – инвариант «отсутствие почёта», имеющий идентичные языковые средства выражения (*bright ranthy line – way ... ended in a mire*), для четвёртой – инвариант «отсутствие добродетели», данный также в сравнении (*vengeance – kindness*). В сумме данные значения составляют тему эпиграмматической серии – обличение пороков адресата-объекта произведений. В этой связи, представляется возможным констатировать наличие тематической речевой ситуации в данной серии, равной текстологической. Авторский ракурс в этом плане характеризуется расширяющимся характером

в связи со своим многокомпонентным построением.

Другими немаловажными элементами, укрепляющими семантическую связь эпиграмм между собой, выступают названия второго, третьего и четвёртого произведений, которые каждый раз актуализируют ретроспективную связь между эпиграммами и заставляют читателя-реципиента возвращаться к прочтению предыдущего произведения. Примечательно, что контекстом названия «On the same» выступает не только озаглавленное им произведение, но и все предыдущие.

С точки зрения структурного построения каждая отдельно взятая эпиграмма характеризуется полноценным рамочно-структурным оформлением, несмотря на свою довольно небольшую количественную наполняемость, поскольку в каждой эпиграмме есть вводная часть, функции которой выполняет обращение к адресату, центральная часть, представляющая раскрытие какого-либо качества, и, наконец, заключение – вывод автора, содержащий в себе его негативную оценку объекта в связи с отсутствием у него указанного качества.

Эпиграмматическая серия в целом, в свою очередь, также проявляет признаки рамочной структуры, где первая эпиграмма, дающая общую оценку объекта, является вводной частью, вторая и третья эпиграммы обладают характерными признаками центральной части, где уточняются пороки объекта, и, наконец, заключительная часть – это четвёртая эпиграмма, дающая окончательное отрицательное мнение автора об объекте.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что эпиграмматиче-

ская серия является сложным и многоплановым явлением, с точки зрения своего структурно-семантического построения, где обнаруживается целостная система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, составляющих комплексный текст. Эта система обладает чётким структурированием и актуализирует прочные семантические связи между всеми её элементами.

Авторский ракурс, в этой связи, составляет глубинный уровень не только каждой отдельной эпиграммы, но и всей серии в целом, выступая интегрирующим фактором, благодаря которому на поверхностном уровне реализуется текстологическая речевая ситуация. Осуществление взаимосвязи между авторским ракурсом и текстом обеспечивается категорией тождества, которая, благодаря такому компоненту, как элективность, реализует отбор языковых средств [9, с. 63–66]. В то же время содержательная сторона эпиграмматического текста декодируется посредством другого компонента категории тождества, а именно идентификации [7, с. 60].

Дальнейший ход исследования наталкивает на необходимость проанализировать принципы структурно-семантического построения эпиграмматической серии, компоненты которой обладают значительно большим количеством дифференциальных признаков, чем проанализированные выше произведения. В этой связи, интерес для аналитического исследования представляет серия эпиграмм Роберта Бёрнса, навеянная исходной эпиграммой-эпитафией на кончину сельского эсквайра, который был «под башмаком у жены». Данная серия про-

изведений представлена ниже с переводом первой эпиграммы-эпитафии С.Я. Маршака и нашими построчными переводами оставшихся двух эпиграмм ввиду отсутствия их художественного перевода.

On Henpecked Country Squire
As father Adam first was foold,
(A case that's still too common),
Here lies man a woman ruled,
The devil ruled the woman.

*Надпись на могиле эсквайра,
который был под башмаком у жены*
Со дней Адама все напасти
Проистекают от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны.

Epigram on the said Occasion
O Death, had'st thou but spar'd his life,
Whom we this day lament,
We freely wad exchanged the wife,
And a' been weel content.

Ev'n as he is, cauld in his graff,
The swap we yet will do't;
Tak thou the carlin's carcass aff,
Thou'se get the saul o'boot.

Эпиграмма на упомянутое событие
О, смерть, если бы только пощадила ты его жизнь,
Того, кого сегодня мы оплакиваем,
Мы бы легко обменяли его на жену
И были бы довольны.

Даже таким, какой он есть, холодным в своей
могиле,
Обмен мы всё же совершим;
Ты возьми тело ведьмы,
Чтобы душу из него изгнать.

Another on the said Occasion
ONE Queen Artemisia, as old stories tell,
When deprived of her husband she loved so well,
In respect for the love and affection he show'd her,
She reduc'd him to dust and she drank up the powder.
But Queen Netherplace, of a diff'rent complexion,
When called on to order the fun'ral direction,
Would have eat her dead lord, on a slender pretence,
Not to show her respect, but—to save the expence!

Ещё одна (эпиграмма) на упомянутое событие
Некая королева Артемизия, как гласят старые истории,

Будучи лишённой своего мужа, которого она горячо любила,

Из уважения к любви и привязанности, которые он к ней проявлял.

Она его сожгла в прах и выпила сей порошок.

Но королева Нэзерплэйс была другого склада.

Когда настал черёд устраивать похороны,

Съела своего умершего лорда под незначительным предлогом,

Не для показа своего уважения, а чтобы сэкономить на растратах!

Данная эпиграмматическая серия в значительной мере отличается от произведений, посвящённых лорду Гэлоуэю, которые, как было продемонстрировано выше, обладают схожими макетами своего построения как на глубинном, так и поверхностном уровне текста. В случае данной серии эпиграммы обладают множеством отличительных средств на уровне стилизованного речетворчества. Одной из очевидных особенностей является их разная количественная наполняемость, влекущая за собой отличия на уровне поверхностной структуры эпиграмм.

Так, первое произведение характеризуется нарушением структурной рамки, причиной которого является перемещение вводной части, зачина, типичного для большинства эпиграмм (*Here lies ...*) в третью строку, что, однако, не меняет его функциональной нагрузки. В центральной части данной эпиграммы изложено основное содержание о несправедливости женщин по отношению к мужчинам. Заключение представлено в последней строке. И его выделение в отдельный сегмент структурного оформления стало возможным благодаря перемещению вводной

части. Последующие две эпиграммы характеризуются полноценным структурно-рамочным оформлением.

Взаимосвязь произведений обеспечивается также с помощью названий каждой отдельно взятой эпиграммы. Намеренное использование таких названий, указывающих каждый раз на содержание первой эпиграммы-эпитафии (*Epigram on the said Occasion; Another on the said Occasion*), актуализирует замкнутую семантическую связь между всеми произведениями. Уникальность данного явления состоит в том, что каждое отдельное название обладает как контекстом, так и макроконтекстом. Контекстуальную функцию выполняет текст озаглавленной эпиграммы, макроконтекстуальную функцию – текст предыдущей или предыдущих. Название же первой эпиграммы оказывается наиболее нагруженным с точки зрения выполнения содержательно-композиционной функции, будучи одновременно названием отдельной эпиграммы-эпитафии и всей эпиграмматической серии в целом.

Содержательная сторона рассматриваемых произведений обладает очевидной взаимосвязью, благодаря реализации текстологической речевой ситуации с общей для всех эпиграмм темой – «обличение женщин, унижающих достоинство мужчины», раскрытие которой осуществляется через описание отношения жены к кончине мужа. Каждое отдельно взятое произведение, однако, обладает своим адресатом, которым в первой эпиграмме выступает сельский эсквайр, во второй – смерть как высшая олицетворённая сила, в третьей – все читательницы женского пола, поскольку в эпиграмме

однозначно читается назидательность.

Важно отметить, что помимо фактора адресата, одной из центральных текстообразующих категорий выступает категория персональности. Несмотря на характерное для эпиграмм закадровое присутствие образа автора, данная эпиграмматическая серия отличается очевидностью наличия категории персональности в канве текста и определяется намеренностью, регулируемой авторским ракурсом. Автор присоединяется к скорбящим и обвиняет в смерти эскайра его жену. При этом очевидно нарастание резко отрицательной оценки автора от произведения к произведению.

Итак, рассмотренная эпиграмматическая серия характеризуется многомерностью имплицитного содержания, декодирование которого обладает зигзагообразным характером, несмотря на отсутствие сюжетной перспективы как таковой. При этом глубинный уровень текста остаётся линейно-плоскостным. Такой переход от линейности к многомерности осуществляется благодаря категории тождества, которая не только дешифрует авторский замысел, но и обеспечивает целостность восприятия эпиграмматической серии [8, с. 103]. Идентификация как компонент категории тождества обнаруживает сходство структуры целостной серии с макетом построения отдельно взятой эпиграммы, где первое произведение является вводным не только благодаря заданной автором последовательности произведений, но и своему содержательному смыслу (здесь – описание события, натолкнувшего автора на мысль об отношении некоторых женщин к своим мужьям). Вторая эпиграмма, соответственно,

выступает в роли центральной части, в содержании которой авторская мысль получает своё развитие. Наконец, третья эпиграмма являет собой обобщающее заключение.

Проведённый анализ показал, что дифференцированность особенностей построения текстов произведений, составляющих эпиграмматическую серию, не препятствует декодированию их общей темы, поскольку наличие семантической связи между произведениями продиктовано авторским ракурсом, проявляющим себя как на уровне текстологической речевой ситуации в рамках серии в целом, так и на уровне микротематической речевой ситуации в каждом отдельном произведении.

Итак, в результате исследовательской работы, нацеленной на выявление структурно-семантических особенностей построения эпиграмматических серий, удалось установить, что серия эпиграмматических произведений является многомерной системой, включающей в себя множество элементов. В независимости от принципов построения текстов отдельных эпиграмм, все они в сумме составляют текстологическую речевую ситуацию, интегрирующим фактором которой выступает их общая тема. Имплицитное содержание серии в целом характеризуется нарастающим негативным качеством, которое проявляется в оценке автора описываемого объекта действительности.

Уникальной особенностью эпиграмматических серий выступает их поверхностная структура, имитирующая рамочно-структурное оформление эпиграммы с вводной частью-начином, центральной и заключительной частями, функции которых выполняют

отдельные произведения в независимости от их собственного построения.

Ключевой лингвистической категорией, благодаря которой декодирование авторского ракурса в многомерной системе целостного текста эпиграмматической серии становится возможным, является категория тождества, компоненты которой, а именно элективность и идентификация, не только отвечают за отбор языковых средств, но и адекватность содержания авторскому замыслу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Е.В. Структурно-семантические особенности некоторых поэтических произведений фольклорного жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.04). – М., 1999. – 21 с.
2. Кошечая И.Г. О соотношении форм и значений внутренней и внешней речи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 18–24.
3. Кошечая И.Г. Стилистика современного английского языка: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Академия, 2011. – 352 с.
4. Кошечая И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. – Изд. 2-е. – М.: Либроком, 2012. – 184 с.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. интов. – М.: Просвещение, 1986. – 327 с.
6. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка: учебное пособие. – Изд. 3-е, перераб. и дополн. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1990. – 110 с.
7. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 58–62.
8. Свиридова Л.К. К унификации анализа различных текстовых жанров // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: матер. международной научно-практической конференции молодых исследователей. – М., 2013. – С. 101–104.
9. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2011. № 6. – С. 63–66.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. – М.: Либроком, 2009. – 144 с.